

ПУБЛИКАЦИИ И ПЕРЕВОДЫ

Тим Лэброн

Витгенштейн: философия, отменяющая философию

Тим Лэброн – PhD, профессор. Университет Конкордия. Канада, 7128 Ада-Бульвар, Эдмонтон, Альберта T5B 4E4; e-mail: tim.labron@concordia.ab.ca

В своих работах Л. Витгенштейн пытается продемонстрировать, как человеческое мышление может выбраться из философской ловушки, в которой оно систематически оказывается. Речь не идет о преодолении философии как таковой, а скорее о том, чтобы использовать философию против ложного, ущербного философствования. В частности, с точки зрения Витгенштейна, «ущербным» является, с одной стороны, метафизический реализм, а с другой – лингвистический идеализм. Взаимодействуя с реальностью, мы никогда не бываем пассивны, поэтому реализм ошибочен; но мы не имеем возможности трактовать данные восприятия абсолютно произвольно, поэтому ошибочен и идеализм. Сходная диспозиция легко обнаруживается в витгенштейновской философии математики: с одной стороны, отвергается реализм (идея о том, что числа отражают реальность), с другой – формализм (числа – всего лишь знаки, которыми мы манипулируем). Не что иное, как практическое применение (application) делает оперирование числами математикой, считает Витгенштейн. Решающее значение имеет не внешняя, независимая от нас реальность, но логический синтаксис математики, способы употребления знаков, символов, чисел. Витгенштейн «отменяет» философию в том же смысле, в каком Н. Бор и другие исследователи, приверженные копенгагенской интерпретации квантовой механики, «отменяют» физику. Поиск объяснений вне границ обыденного языка, за пределами формы жизни, в обход эксперимента – вот что отменяется. Объектом рассмотрения и анализа вместо этого становится партисипаторная природа реальности – то, что связывает язык с миром (научное экспериментирование с квантовыми объектами).

Ключевые слова: Витгенштейн, реализм, идеализм, метафизические основания языка, логический синтаксис, языковая игра, значение, практика, математическое доказательство

В «Логико-философском трактате» Л. Витгенштейн отмечает: «Правильный метод философии, собственно, состоял бы в следующем: ничего не говорить, кроме того, что может быть сказано, то есть кроме высказываний науки, – следовательно, чего-то такого, что не имеет ничего общего с философией. – А всякий раз, когда кто-то захотел бы высказать нечто метафизическое, доказывать ему, что он не наделил значения определенными знаками своих предложений. Этот метод не приносил бы удовлетворения собеседнику – он не чувствовал бы, что его обучают философии, – но лишь такой метод был бы безусловно правильным» [Витгенштейн, 1994а, ЛФТ, 6.53]. В более

поздних «Философских исследованиях» он говорит: «Какова твоя цель в философии? – Показать мухе выход из мухоловки» [Витгенштейн, 1994а, ФИ, § 309]. В обоих случаях Витгенштейн ищет способ продемонстрировать, как можно выбраться из ловушки, в которой оказывается мышление (мухоловки). С этой целью в ранней работе он отвергает метафизику, увязывая язык с лежащим в его основе логическим синтаксисом. В поздней работе он вновь отвергает метафизику, но уже *вместе* с логическим синтаксисом.

Очевидно, что после «Трактата» во взглядах Витгенштейна происходит сдвиг. Он пишет: «...мне вдруг показалось, что следовало бы опубликовать мои старые и новые мысли вместе; что только в противопоставлении такого рода и на фоне моего прежнего образа мыслей эти новые идеи могли получить правильное освещение» [Витгенштейн, 1994а, с. 78]. От убеждения в том, что логика лежит в основе языка, Витгенштейн переходит к мнению, что логика раскрывается и показывает себя в языковой практике (*in the applications of language*). Здесь уже не делается акцента на эпистемологии, на зависимости того, что может или не может быть сказано, от логического синтаксиса языка. Вместо этого внимание акцентируется на том, что в действительности говорится (*what we do say*).

В чем же состоит подход Витгенштейна? Он пишет: «...сложность [философского исследования], я бы сказал, заключается не в том, чтобы найти решение проблемы, а скорее в том, чтобы суметь разглядеть его в чем-то, что кажется только подступом к решению (*only preliminary to it*). <...> На мой взгляд, причина этого кроется в следующем: мы рассчитываем получить *объяснение*, вместо того чтобы искать *описание* проблемы, причем такое описание, которое займет правильное место в наших размышлениях и удовлетворит нас настолько, что мы откажемся от дальнейшего поиска. Сложность здесь в том, чтобы остановиться» [Wittgenstein, 1967, § 314].

Когда Витгенштейн говорит о мухе, ищущей выход из мухоловки, и о прекращении философствования, он отнюдь не имеет в виду, что мы должны отказаться от философии как таковой. Речь идет, скорее, о том, чтобы использовать философское мышление против того, что он считал ложной, ущербной философией. Согласно распространенному мнению, философия исследует «подлинную реальность», ищет истину «где-то там», за границами человеческих жизней, т. е. является формой реализма. Это представление настолько укоренилось в нашем сознании, что единственной альтернативой ему считается антиреализм, субъективизм и релятивизм. Я не думаю, что эта альтернатива корректна. В действительности, реализм и антиреализм – две стороны одной медали, одной большой мухоловки, которую нужно разрушить.

Форма жизни

Повторюсь, Витгенштейн «Трактата» считает, что язык связан с самой реальностью (*внешней, независимой*); значения лингвистическим знакам придают не конвенции, но логическая форма, воспроизводящая логическую структуру мира. Таким образом, владение языком подразумевает логическое использование знаков. Логическая форма лежит в основе языка, обеспечивая значение, а связь между миром и языком задана предустановленной гармонией.

В «Философских исследованиях» Витгенштейн отходит от своей ранней атомистической концепции значения. Так, он отвергает идею, согласно которой любое предложение либо истинно, либо ложно (как если бы свойство быть истинным или ложным определяло, что является предложением). Витгенштейн сомневается в том, что философия в состоянии обоснованно эксплицировать логическую возможность/невозможность того, что может быть сказано. Он разочаровывается в идее какой-

либо теории, объясняющей язык: «Раньше я сам говорил о “полном анализе”, и я верил в то, что философия должна обеспечить четкое разделение пропозиций, с тем чтобы ясно увидеть все их связи и исключить любые возможности неверного толкования. Я говорил так, как будто имелось исчисление, благодаря которому подобное разделение стало возможно. <...> В основе всего этого лежала ложная и идеализированная картина работы языка» [Wittgenstein, 1974, p. 211]. Витгенштейн отказался от мысли, что имеются некие «первичные данные», от которых зависит все остальное, – вроде расселовской «окончательной составляющей мира» (the ultimate furniture of the world)¹. Существуют пределы человеческого познания, но часто мы ошибочно полагаем, что непроясненным остается только значение и что стоит нам собраться и начать мыслить должным образом, используя язык, избавленный от двусмысленностей, мы сможем познать всё. Именно с этим Витгенштейн не готов согласиться. Он очищает свое мышление от остаточных элементов реализма «Трактата» – того самого реализма, который отрывает язык и его логику от человека, пользующегося языком, от человеческой жизни, в результате чего оказывается, что язык никому не принадлежит, а существует как бы сам по себе: логическая форма делает язык трансцендентальным. Объектом исследования позднего Витгенштейна становится *человеческое* измерение логического и лингвистического – сама раскрывающая, обнаруживающая себя в повседневной жизни природа языка и логики. Представление о человеке как одиноком наблюдателе, созерцающем и описывающем мир со стороны, а также идея о том, что наш повседневный жизненный опыт вторичен, первичным же является нечто внешнее по отношению к нему и, в конечном счете, обосновывающее его, решительно отвергается.

Как следствие, преодолевается и скептицизм. Сознание, в представлении скептика, является пассивным восприимчиком неопределенных данных (uncertain data), которые не гарантируют нам убедительной и надежной связи с внешним миром. Последнее обстоятельство смущает скептика, и он задается закономерным (на его взгляд) вопросом: как я могу познавать или точно описывать реальность? Витгенштейн сокрушает скептицизм не с помощью новых теорий, дающих надежное объяснение знания (лучшее обоснование его возможности), но показывая, что скептикам нечего сказать по существу. Он девальвирует и отменяет (dissolves) скептицизм.

В своих поздних работах Витгенштейн показывает, что знание и достоверность являются частью жизни и не основываются на внешних структурах (будь то простые объекты, врожденные идеи, данные восприятия и т. п.). Связь языка с реальностью обеспечивается не отдельными элементарными предложениями, которые либо истинны, либо ложны. Скорее, предложения внутренне взаимосвязаны, а логика определяется лингвистической практикой, а не лежит в основании языка. Витгенштейн отмечает: «Размышляя о языке и значении, мы легко поддаемся искушению думать, что в философии мы говорим о словах и предложениях не в обыденном смысле, но в сублимированном и абстрактном. Как если бы конкретное предложение, произнесенное кем-то, в действительности было чем-то иным – идеальной сущно-

¹ «Первая вещь, которую надо понять, состоит в том, почему классы не могут рассматриваться как окончательная составная часть мира. Трудно объяснить точно, что подразумевается этим утверждением, но одно его следствие позволяет уточнить его значение. Если мы имеем полный символический язык, с определениями для всего определяемого, неопределенные символы в этом языке будут представлять символически то, что я называю “окончательными составляющими мира”. Я утверждаю, что нет символов ни для класса вообще, ни для какого-либо класса в частности, которые были бы включены в этот аппарат неопределенных символов. С другой стороны, все индивидуальные вещи в мире должны иметь имена, которые будут фигурировать среди неопределенных символов» (Рассел Б. Введение в математическую философию / Пер. с англ. В. Целищева, В. Суровцева. Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2007. С. 202). – Прим. пер.

стью. <...> Но разве ферзь, о котором говорится в шахматных правилах, тоже является идеальной абстрактной сущностью? (Мы не вправе ожидать от нашего языка большего, чем от игры в шахматы играющий шахматист)» [Wittgenstein, 1974, p. 121]. Связь языка с жизнью – вот главное, что определяет значение слова, полагает Витгенштейн, и в этом он, конечно, расходится с реализмом. Значение – не объект логического анализа или пассивного опыта и не результат, производимый движением и столкновением идей в нашем разуме; значение слова есть его обычное употребление в языке.

Таким образом, точность высказываний не зависит от метафизических оснований языка или его трансцендентальной структуры; она задается нашей жизнью и обычными коммуникативными практиками, которые показывают, какое лингвистическое поведение является приемлемым (соответствует правилам), а какое нет. Подводить внешние основания под язык, чтобы сделать его более точным, бессмысленно: поступая таким образом, мы подменяем точность абстрактным теоретизированием.

Витгенштейн пишет: «...правила грамматики произвольны в том же смысле, что и выбор способа измерения. Это всего лишь означает, что выбор способа измерения не зависит от размеров предмета, который мы собираемся измерять, и не является “правильным” или “ошибочным” в том же смысле, что утверждение о длине предмета» [ibid., p. 185]. То есть стандартом корректного измерения является не внешняя мера, не какие-нибудь *истины* или *формы* Платона, но практические конвенции языковых игр. Единой лингвистической «меры» не существует.

По мнению Витгенштейна, реалисты совершают ошибку, когда пытаются обосновать отдельное утверждение, упуская из виду контекст высказывания. Наши убеждения могут иметь основания (более или менее надежные), но, с точки зрения Витгенштейна, правильнее будет сказать, что эти «несущие стены» (foundation-walls) «поддерживаются всем зданием» [Витгенштейн, 1994а, О Достоверности, § 248, с. 352].

Итак, в поздних работах Витгенштейн отказывается от лингвистического фундаментализма (идеи о том, что у языка есть предустановленное, независимое, трансцендентное основание) и вводит концепцию языковых игр. Является ли он, в таком случае, идеалистом? Нет, не является. Для лингвистического идеалиста не существует реальности, не зависящей от языка; реальным он признает только то, что дается нам в языке и посредством него. Это представление о соотношении языка и реальности диаметрально противоположно (is the inverse of) точке зрения, изложенной Витгенштейном в «Трактате», согласно которой язык отражает логическую структуру мира. Лингвистический идеализм делает язык произвольным, лишает его «сцепления» с миром (что совершенно недопустимо для реалиста).

Представить реальность как результат когнитивной и лингвистической деятельности довольно непросто. Ведь остается открытым вопрос о природе сущего, предшествовавшего появлению человека с его продуктивным сознанием и языком (как оно могло существовать?). Для идеалиста одним из вариантов ответа могло бы быть постулирование некоей вневременной сущности, вроде берклианского Бога. Это позволило бы объяснить наличие доисторических объектов, не зависящих от человека и его языка, но являющихся производными от божественного «лингвистического сознания». За таким допущением, однако, стоит замаскированный реализм. Ведь как и в случае с реализмом, здесь принимается в качестве предпосылки существование внешнего – по отношению к человеку – метафизического основания, которому наш язык должен соответствовать.

Витгенштейн – ни реалист, ни идеалист. Он нигде не утверждает, что языковые практики создают реальность. В определенном смысле, реальность для него – понятие более широкое, чем язык. Однако наше соприкосновение с миром (в том числе

с тем физическим миром, в котором мы существуем со всеми нашими практиками, традициями и историей) лингвистически опосредовано. Витгенштейн предвидит вопрос-возражение: «Стало быть, согласием людей решается, что верно, а что неверно?» И отвечает: «Правильным или неправильным является то, что люди *говорят*; а в языке люди согласны. Но это – согласие не мнений, а формы жизни» [Витгенштейн, 1994а, ФИ, § 241]. У позднего Витгенштейна *жизнь и язык* образуют целое: ни одно не имеет приоритета перед другим.

Язык опосредует наш контакт с реальностью, не редуцируемой к языку, но – в силу этого опосредования – и не существующей независимо от него. Прежде (в ранних работах Витгенштейна) логика располагалась, если можно так выразиться, вне языка; теперь она как бы встроена в язык и через него проявляет себя. Новой перспективой становится рассмотрение взаимосвязи человека, языка и логики.

Математика и наука

Взаимодействуя с реальностью, мы никогда не бываем пассивны, поэтому реализм ошибочен; с другой стороны, мы не имеем возможности трактовать данные восприятия абсолютно произвольно, поэтому ошибочен и идеализм. Сходная диспозиция легко обнаруживается в витгенштейновской философии математики: с одной стороны, отрицается реализм (идея о том, что числа отражают реальность), с другой стороны, отвергается формализм (числа – всего лишь знаки, которыми мы манипулируем). Практическое применение (application) – вот что делает оперированные числами математикой, считает Витгенштейн.

Предполагать, что числа существуют сами по себе, определяя наши математические операции (исчисления), так же неверно, как утверждать, что логика сама по себе или простые объекты лежат в основании математики и языка, задавая правила исчислениям, которые мы производим, или определяя то, что может и что не может быть нами высказано. В действительности логика как языка, так и математики заложена в самих предложениях (their respective propositions). Отмеченное заблуждение часто проистекает из столь же распространенного, сколь и ущербного понимания «истины» как чего-то объективно существующего, внешнего и универсального, «экстерриториального» по отношению к человеку.

«Здесь напрашивается сравнение с алхимией, – рассуждает Витгенштейн. – Можно говорить о своего рода алхимии в математике. Характеризует ли эту математическую алхимию уже то, что математические предложения рассматриваются как высказывания о математических объектах – то есть что математика выступает как исследование этих объектов? В известном смысле в математике нельзя апеллировать к значению знаков потому, что именно математика и задает им значение» [Витгенштейн, 1994б, с. 149].

Дескриптивные высказывания о мире могут быть, разумеется, истинными или ложными. Однако, с точки зрения Витгенштейна, логический синтаксис математики неверно интерпретировать в терминах отношения истина – ложь. Другими словами, математический синтаксис не образует описания мира, не является частью эпистемологии. Математика не возникает из чисел; она сама наделяет числа значениями: благодаря математической калькуляции мы понимаем числа. Точно так же язык не возникает из логики – наоборот, логика постигается в языке.

Примером ошибочного смешения математики и эпистемологии может служить известный парадокс Зенона «черепаша и заяц». Если рассматривать объекты и отношения между ними как эмпирические величины, то следует признать, что зайцу, соревнующемуся в скорости с черепахой, никогда не удастся добраться до финиша,

ведь для этого ему необходимо пробежать сначала половину дистанции, а прежде – половину половины, и так до бесконечности. Данная проблема является следствием отождествления математических и эмпирических предложений. Ее можно проиллюстрировать также на примере элементарных математических уравнений, таких как « $2 + 2 = 4$ », и формулировок «законов природы», вроде эйнштейновской формулы « $E = mc^2$ ». Идет ли речь в первом случае о яблоках или апельсинах? А во втором о массе? Мы не говорим: «Я собираюсь изучить “8”».

Перейдем к математическому доказательству. Можно было бы предположить, что в нем дана объективная истина. Однако разница между математическим доказательством и предложением наблюдения вроде «В моем кабинете находятся два компьютера» вполне очевидна. В доказательстве не доказывается ничего, что предшествовало бы доказательству, – в отличие от высказывания о наличии или отсутствии определенных предметов в определенном месте. Компьютеры находились в моем кабинете до того, как было сформулировано соответствующее предложение, и до эмпирической верификации последнего. Доказательство же никаких *априори* не терпит; оно само предъявляет то, что доказывает, а именно правила логического синтаксиса в предложении. Доказательство и математическое предложение внутренне связаны друг с другом (*are internal to each other*), чего нельзя сказать о предложении наблюдения и его связи с реальностью, связи, которая носит случайный характер.

Иными словами, математические предложения, в отличие от предложений эмпирических следует понимать грамматически – как правила синтаксиса, как то, что не подлежит верификации, понимаемой эмпирически. Два типа предложений сходны в том отношении, что они должны иметь применение (почему мы и называем их *предложениями*), однако математические внутренне связаны с доказательствами. Но все же тенденция к обоснованию предложений через отсылку к внешней и независимой реальности распространяется и на них. Так, евклидова геометрия была «дискредитирована» (*demoted*) из-за утраты приписывавшегося ей *априорного* статуса и переосмысления ее как автономной аксиоматической системы, которая опирается на собственную логику и формальные принципы, обеспечивающие ее единство. О «дискредитации» же мы говорим потому, что стало понятно, что евклидова геометрия не обеспечивает истинностную связь с реальностью. Проблема, с которой сталкиваются математики-реалисты, заключается в том, что геометрия Евклида больше не вписывается в отстаиваемую ими систему реалистических представлений. Они упускают из виду, что евклидова геометрия – всего лишь одна из форм предложений в системе предложений.

Говоря о языке, Витгенштейн подчеркивает, что не существует *одной* единственно правильной языковой игры, а следовательно, нет оснований считать, что какая-то языковая игра может или должна с необходимостью вытеснить другую. Этот подход к философии языка применим и к логике математики. Так же как язык, математика состоит из связанных между собой, образующих собственную систему предложений. Однако в силу того, что природа последних различна (предложения языка суть описания реальности, а предложения математики нет), они верифицируются по-разному: первые – посредством эмпирических наблюдений и проверки, вторые – с помощью логического синтаксиса (*by means of their logical syntax*). Математика не изоморфна языку, как если бы числа, которыми она оперирует, отражали внешние по отношению к ней (трансцендентные) реалии. Значение – это не сущность, каким-то неведомым образом сопряженная с именем или числом; значение есть способ употребления имени или символа. Слова сами не сообщают своих значений; значение раскрывается, обнаруживается в человеческой практике.

Как я уже говорил, Витгенштейн отказывается от референциальной теории, согласно которой значением имени является объект, на который оно указывает. Вместо

этого он утверждает, что слово обретает значение только в системе предложений и правил каждой системы. С математикой дело обстоит схожим образом. Витгенштейн пишет: «Зачем математике нужно обоснование?! Я полагаю, оно нужно ей не более, чем предложениям, повествующим о физических предметах или же о чувственных впечатлениях, нужен их анализ. Однако математические предложения, равно как и все другие, нуждаются в выяснении их грамматики. Математические проблемы так называемых оснований в столь же малой степени лежат для нас в основе математики, в какой нарисованная скала несет на себе нарисованную крепость» [Витгенштейн, 1994б, с. 180].

Отсюда следует: «...для математики существенно, чтобы ее знаки применялись и в гражданской жизни. Именно употребление вне области математики, то есть значение знаков [их отнесенность к объектам], делает знаковую игру математикой» [там же, с. 140]. Таким образом, математика не основывается ни на каких абстрактных формах или объектах, не строится ни на каком формализме или логическом атомизме; скорее, она принимает форму, соответствующую нашей форме жизни.

Витгенштейн предвидит вопрос: «А разве не следует с логической необходимостью, что, прибавив один к одному, ты получишь два, а прибавив один к двум – три и т. д.; и разве эта неумолимость не того же рода, что и неумолимость логического вывода?» – Конечно! Того же самого. – “А разве логическому выводу не соответствует некая истина? Разве не истинно, что из этого следует то?” – Предложение: “Истинно, что из этого следует то” просто означает: это следует из того» [там же, с. 5–6].

Он использует следующую аналогию для пояснения сказанного: «Насколько бы мы погрели против истины, если бы наши линейки были сделаны из очень мягкой резины, а не из дерева или стали? – “Да мы бы не узнали истинных размеров стола”. – Ты имеешь в виду: мы бы их не получили или, получив, не могли бы быть уверены в том, что это те же размеры, что получаются с помощью твердой линейки» [там же, с. 6]. Стремление найти обоснование математическим предложениям возникает вследствие обращения к эпистемологии. Витгенштейн полагает, что в отличие от эмпирического предложения, которое может быть истинным, т. е. случайно соответствующим реальности, или ложным, столь же случайно не соответствующим ей, предложение математическое не требует обоснования; скорее, мы соглашаемся считать его правилом.

Между различными геометриями практикующие ученые-математики выбирают не ту, что является предположительно наиболее точной, универсально и аподиктически истинной, а наиболее подходящую и удобную в качестве инструмента для решения определенной задачи; ученые выбирают, руководствуясь практическими соображениями.

По причине того, что реализм остается преобладающей тенденцией в современной эпистемологии, многие подозревают, что Витгенштейн, поскольку он отрицает наличие у математики и языка трансцендентных метафизических и логических оснований, в действительности склоняется к скептическому пониманию математики, релятивизирует ее, превращая в своего рода *soup du jour*². Предполагается, что либо ученые, занимающиеся математическими исследованиями, открывают уже готовые объективные истины, либо они «стряпают» математику на потребу дня, изобретают свои подверженные ошибкам квазитории, открытые для дальнейшего пересмотра и конструирования. Математическое знание, избавленное от эпистемологических обязательств и независимых оснований, может показаться далеким от достоверности.

² «Суп дня» (от франц. *soupe du jour*). – Прим. пер.

Однако Витгенштейн так не считает. У математики «без оснований» сохраняется достоверность, которая заключается в самих математических правилах.

Идея о том, что числа обретаются в мире (реализм), отвергается Витгенштейном, равно как и воззрение, что они всего лишь значки на бумаге (формализм). Числа, возражает он, становятся математикой благодаря применению, которое мы находим им. Решающее значение приобретает не внешняя, независимая от нас реальность, но логический синтаксис математики, способы употребления знаков, символов, чисел. Сторонники платонизма заблуждались, полагая, что кривая, прочерченная на бумаге, соответствует кривой, существующей в реальности. Рассуждению о математических объектах Витгенштейн предпочитает разговор о правилах. «Ни одному религиозному вероисповеданию, – замечает он, – злоупотребление метафизическими выражениями не принесло столько вреда, как математике» [Витгенштейн, 1994а, Культура и ценность, §6, с. 413].

Это пересечение и смешение логического синтаксиса, эпистемологического и эмпирического аспектов особенно трудно распутать в физике, предполагающей эмпирическую верификацию. Чем более развитой (теоретичной) становится физическая наука, тем оказывается сложнее отделить эмпирические эксперименты от математического конструирования реальности. Как было подмечено Полом Дэвисом, «ученые часто используют слово “открытие” для обозначения достижений в чисто теоретической области. Так, нередко приходится слышать, что квантовое излучение черных дыр было “открыто” Стивеном Хокингом. Данное утверждение подкрепляется результатами исключительно и единственно математических изысканий. Никто до настоящего времени не видел черной дыры, тем более не фиксировал ее излучения» [Davies, Gribbin, 2007, p. 18].

Тем не менее некоторые современные физики все еще придерживаются мнения, что наука, исследующая физическую реальность, нуждается в надежном фундаменте, а именно в строгой и независимой математической системе. Реальность, указывают они, сложна и непредсказуема, а наши представления весьма приблизительны и грубы (в квантовой теории существуют дивергентные возможности, эксперименты могут интерпретироваться по-разному и т. д.). В последнее время, к примеру, активно эксплуатируется гипотеза мультивселенной, которая помогает ученым решать (resolve) возникающие проблемы, вместо того чтобы снимать (dissolve) их. Коль скоро эксперимент не дает однозначного результата, можно попытаться объединить все возможные (альтернативные) результаты в систему. Это, однако, уводит в сторону от проблемы. Множественность параллельных миров означает, что не существует универсальных законов физики, следовательно, мы получаем бесчисленное количество законов для бесчисленного количества универсумов. Но существуют ли метазаконны для мультивселенной? Просто ответить на этот вопрос утвердительно – значит не объяснить ничего.

Можно сказать, что философия, отменяющая философию (philosophy dissolving philosophy), является концептуальным исследованием, с одной существенной оговоркой: это не способ объяснения, но особый взгляд на вещи. «Метафизический вопрос внешне выглядит фактическим, хотя проблема является концептуальной» [Wittgenstein, 1980, § 949], – поясняет Витгенштейн. Речь идет о возможности схватывания логики значения (the logic of meaning) в существующих формах жизни, в практической деятельности, в [научном] экспериментировании.

В наш постклассический век науки в работах по теоретической физике и математике можно встретить массу интересных соображений, созвучных идеям Витгенштейна. «Следует помнить, – пишет, в частности, Н. Бор, – что всякое определение математических символов и операций основывается на простом логическом применении обычного языка. В самом деле, математика никогда не рассматривалась как

отдельная отрасль знания, основанная на совокупности опытных данных, а скорее считалась рафинированием общего языка с прибавлением к нему соответствующих добавок, позволяющих описывать такие взаимоотношения, для которых обычные словесные средства общения либо недостаточно точны, либо слишком неудобны. Говоря точнее, математический формализм квантовой механики и квантовой электродинамики попросту устанавливает правила подсчета математических ожиданий для наблюдений, производимых в хорошо определенных экспериментальных условиях, описанных с помощью представлений классической физики» [Бор, 1963, с. 239].

В физике, отмечает А. Цайлингер, «мы не вправе говорить о реальности, не учитывая того, что может быть сказано о реальности. Наша задача не сводится к фабрикации субъективных высказываний (statements) о физическом мире, ведь любое такое высказывание, в конечном счете, подлежит экспериментальной проверке. Для старой – классической – картины мира “реальность” – это базовое понятие, обозначающее то, что предшествует наблюдению (со всеми привносимыми им особенностями) и ни в каком отношении не зависит от него, для современной же физики (квантово-механической картины мира) “реальность” и “информация” – равноправные понятия. Одно предполагает другое, и ни одного не достаточно, чтобы дать исчерпывающее описание мира» [Zeilinger, 1999, p. 642].

Витгенштейн отменяет философию в том же смысле, в каком Бор и другие исследователи, приверженные копенгагенской интерпретации квантовой механики, отменяют физику. Поиск объяснений вне границ обыденного языка, за пределами формы жизни, в обход эксперимента – вот что отменяется. Объектом рассмотрения и анализа вместо этого становится партисипаторная (participatory) природа реальности. Витгенштейн имеет в виду партисипацию, связывающую язык и реальность, а в случае физиков-копенгагенцев – научное экспериментирование и квантовые объекты. Добавлю здесь, что весьма полезным и многообещающим, в свете сказанного, мне представляется кьеркегоровское понимание истины как субъективности. При этом следует иметь в виду, что Кьеркегор не был субъективистом (как не был им и Витгенштейн). «К индивидуальному переходу от увиденного к слову нельзя было бы применить никакого правила, – отмечает Витгенштейн. – Правила здесь повисали бы в воздухе – по причине отсутствия института их применения» [Витгенштейн, 1994а, ФИ, § 380]. Причина, по которой «субъективным» обычно пренебрегают, заключается в распространенности объективного реализма, утверждающего существование (в качестве основания всего) реальности, которая является внешней для нас и открывается нам как пассивным наблюдателям.

Заключение

В каждой языковой игре используются субконцепты (sub-concepts), которые выполняют важную функцию – практически более важную, чем абстрактные универсальные категории. К примеру, у нас есть понятие «благо», но без помощи субконцептов мы не могли бы определить его значение; аналогичным образом, у нас есть понятие «электрон», но объект, обозначаемый им, также нуждается в субконцептуальном определении – измерении свойств, локализации и т. д. (без этого электрон не существует).

Мы живем в мире взаимодействия и соучастия всего со всем (a participatory world), и мы должны сознавать, что партисипация (participation) является необходимым и постоянным фактором существования в мире, – должны, чтобы одолеть (dissolve) философию с ее специфическими проблемами, чтобы как-нибудь выбраться из философско-метафизической мухоловки. Это непростая задача, которая требует

известной решимости, готовности, так сказать, ввязаться в драку; куда легче мыслить в абстрактных понятиях.

Если философия Витгенштейн чему-то учит нас, она учит тому, что знания, доступные человеку, не поддаются унификации – приведению к единой форме. Противоположный взгляд на эпистемологические проблемы склоняет к своеобразной метафизике знания, в рамках которой обоснованием (justification) служит референция к гипотезированным концептуальным объектам и которая лелеет мечту о прогрессе в исследовании этой объективной реальности. Формы жизни, подсказывает нам Витгенштейн, не должны растворяться друг в друге и смешиваться в неразличимое целое.

Фокусировка на метафизике знания и превращение абстракций в предполагаемые (assumed) реальности снимает с философа бремя ответственного и метафизически некомфортного мышления в открытом потоке жизни, вместо расслабленного купания в бассейне, предназначенном для личного пользования.

Требование отказаться от индивидуальной разработки (private working) проблем познания внешней реальности может показаться самопротиворечивым. Не стоит, однако, питать иллюзии: эта реальность – миф. Метафизическое предание о внешней реальности имеет две составляющие – ложное представление о самости (the self) и ложное представление о мире. Если разобраться, как советует Витгенштейн, в природе данного противостояния, то проблема снимается: индивидуальное мышление оказывается частью формы жизни.

Философия не участвует в строительстве вавилонского небоскреба, показывая, как правильно ставить камни. Она описывает (maps) то, чем занимаются люди, живущие на земле. И как реки, текущие по равнине, меняют свое направление в зависимости от местности, человеческая жизнь и человеческое мышление время от времени меняют свои формы и «русла».

Я закончу риторическим вопросом: Почему люди так страстно желают прорваться к трансцендентной «реальности», универсальной и объективной? Объясняется ли это потребностью человека забыть себя (по крайней мере, свою относительность, ограниченность, релятивность)? Что это за новое «божество», которому мы теперь поклоняемся? Божество, не принимающее в расчет человека, не требующее его личного отношения и участия.

Перевод с английского языка Г. Золоткова, И. Джохадзе

Джохадзе Игорь – руководитель сектора современной западной философии Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1; e-mail: joe99@mail.ru

Dzhokhadze Igor – Head of the Department of Contemporary Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russian Federation; e-mail: joe99@mail.ru

Золотков Григорий – младший научный сотрудник сектора современной западной философии Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, Москва, ул. Гончарная, 12, стр. 1; e-mail: zolotkov_grigory@mail.ru

Zolotkov Grigory – Junior Research Fellow of Contemporary Western Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya str., 109240 Moscow, Russian Federation; e-mail: zolotkov_grigory@mail.ru

Список литературы

Бор, 1963 – Бор Н. Воспоминания об Э. Резерфорде – основоположнике науки о ядре. Дальнейшее развитие его работ / Пер. В.А. Угарова // Успехи физических наук. 1963. Т. 80. № 2. С. 215–250.

Витгенштейн, 1994а – *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть I / Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Составл., вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 612 с.

Витгенштейн, 1994б – *Витгенштейн Л.* Философские работы. Часть II / Пер. М.С. Козловой и Ю.А. Асеева. Вступ. статья, примеч. М.С. Козловой. М.: Гнозис, 1994. 207 с.

Davies, Gribbin, 2007 – *Davies P., Gribbin J.* Matter Myth: Dramatic Discoveries That Challenge Our Understanding of Physical Reality. N. Y.: Simon and Schuster Paperbacks, 2007. 320 p.

Wittgenstein, 1974 – *Wittgenstein L.* Philosophical Grammar / Trans. by A. Kenny. Ed. by R. Rhees. Oxford: Blackwell, 1974. 495 p.

Wittgenstein, 1967 – *Wittgenstein L.* Zettel / Trans. by G.E.M. Anscombe. Ed. by G.E.M. Anscombe and G.H. von Wright. Oxford: Blackwell, 1967. 256 p.

Wittgenstein, 1980 – *Wittgenstein L.* Remarks on the Philosophy of Psychology, vol. 1 / Trans. by G.E.M. Anscombe. Ed. by G.E.M. Anscombe and G.H. von Wright. Oxford: Blackwell, 1980. 422 p.

Zeilinger, 1999 – *Zeilinger A.* A Foundational Principle for Quantum Mechanics // Foundations of Physics. 1999. Vol. 29. No. 4. P. 631–643.

Wittgenstein: Philosophy Dissolving Philosophy

Tim Labron

PhD, Professor of Philosophy at Concordia University of Edmonton Canada. 7128 Ada Boulevard, Edmonton, Alberta T5B 4E4; e-mail: tim.labron@concordia.ab.ca

In both his early and later work, Ludwig Wittgenstein wants to show the way out of philosophical confusion. He even speaks of stopping philosophy. However, it is not philosophy in and of itself that he is critiquing; rather, he is using philosophy to stop what he regards to be wrongheaded philosophy. For example, metaphysical realism and linguistic idealism. We are not passive recipients of data, nor do we impose whatever we like on data. He shows that words in a language hold meaning within a system of propositions, and logic is not underlying this system as a guarantor of uniformity and meaning; instead, logic is found in the propositional system and form of life. This is similar to Wittgenstein's understanding of mathematics, where he rejects the realist idea that numbers mirror reality, and the formalist view that numbers are merely marks we play with – it is in application that numbers become mathematics. Wittgenstein's 'dissolving' of philosophy and mathematics can be favorably compared with the way N. Bohr and subsequent physicists in line with the Copenhagen interpretation 'dissolved' physics. What is being dissolved is an excessive search for explanations as a foundation beyond ordinary language, the form of life, and experiments. What is pursued, is the participatory nature between language and reality, and experiments and the quanta.

Keywords: Wittgenstein, realism, idealism, metaphysical foundations of language, logical syntax, language game, meaning, practice, mathematical proof

References

Bohr N. Vospominaniya ob E. Rezerforde – osnovopolozhnikе nauki o yadre. Dal'neyshee razvitiye ego rabot [The Rutherford Memorial Lecture 1958. Reminiscences of the Founder of Nuclear Science and of some Developments Based on his Work] in *Physics-Uspеkhi* [Advances in Physical Sciences], 1963, vol. 80, no. 2, pp. 215–250. (In Russian)

Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Chast' I* [Philosophical Works. Part I], ed. by M.S. Kozlova. Moscow: Gnoziz Publ., 1994. 612 p. (In Russian)

Wittgenstein L. *Filosofskie raboty. Chast' II* [Philosophical Works. Part I], ed. by M.S. Kozlova. Moscow: Gnozis Publ., 1994. 207 p. (In Russian)

Davies P., Gribbin J. *Matter Myth: Dramatic Discoveries That Challenge Our Understanding of Physical Reality*. New York: Simon and Schuster Paperbacks, 2007. 320 p.

Wittgenstein L. *Philosophical Grammar*, trans. by A. Kenny, ed. by R. Rhees. Oxford: Blackwell, 1974. 495 p.

Wittgenstein L. *Zettel*, trans. by G.E.M. Anscombe, ed. by G.E.M. Anscombe and G.H. von Wright. Oxford: Blackwell, 1967. 256 p.

Wittgenstein L. *Remarks on the Philosophy of Psychology*, vol. 1, trans. by G.E.M. Anscombe, ed. by G.E.M. Anscombe and G. H. von Wright. Oxford: Blackwell, 1980. 422 p.

Zeilinger A. A Foundational Principle for Quantum Mechanics, in *Foundations of Physics*, 1999, vol. 29, no. 4, pp. 631–643.